

Однажды ночью

Слезы катились у нее из глаз, когда она ухватила за ручку, повернула ее и потянула на себя. Окно поддавалось с трудом — оно было старым. Старинным, как и все вокруг. Время словно не имело здесь власти, дни проносились мимо, как листья на ветру. Секунды и годы были бессильны что-либо изменить. Много сотен лет даже ночи в этих краях ничем не отличались одна от другой. Мрачные, чернее черного, они испокон веков облаками нависали над верхушками деревьев, окружали могущественные стены замка, но однажды все вдруг переменилось. Вещи, люди и слова.

Правда, не обязательно в этом порядке.

Ее колени дрожали, когда она влезла на подоконник и, смахнув слезы, вдохнула многовековую темноту. Казалось, даже луна не захотела взойти и увидеть то, что происходило в тот час. Она знала, что никого не было рядом. Помедлив секунду, закрыла глаза, и все произошло как бы само собой. Ночь ворвалась в ее легкие. Она высунулась из окна, отпустила рамы, свесила ноги — и кровь прилила к голове. В воображении метнулись какие-то слова, манящие, зовущие. Но ее было уже не достать, она оставила их позади, как и все остальное.

Спрыгнула, не издав ни звука.

На долю секунды она стала частью всех неизменных ночей, но внизу неожиданно появилась земля. Быстро. И, несмотря ни на что, внезапно.

Приземление оказалось не таким жестким, как она боялась. Но достаточно для того, чтобы растянуть лодыжку. Сжав зубы, бросилась бежать. Ноги у нее оставались еще человеческими?

Боль пронизывала на каждом шагу, острая и горячая. Но останавливаться нельзя. Однако она не могла вернуться, даже если бы захотела. Все равно слишком поздно что-либо менять. Слишком поздно что-либо делать. Путь лежал только к Рейну.

Ее уже ждал он.

— А-а, ясно, как... эм... увлекательно. Ну, пока.

Откинув темные волосы за плечи, Хелена направилась внутрь замка следом за своими чемоданами, прежде чем я нашлась что ответить. И это, наверное, к лучшему, ведь я бы лучше снова протащила чемодан от деревни к замку, чем рассказала Хелене хоть о чем-нибудь из так называемой исследовательской поездки. А ведь вначале мамино предложение звучало совсем не плохо.

В этом году мои летние каникулы совпали с периодом лекционных гастролей ее нового друга, и сперва это показалось мне счастливым стечением обстоятельств.

— Приглашения пришли из разных концов страны, — восхищалась мама до начала поездки. — Ты хоть новые места посмотришь, а не только Кембридж, как обычно.

Хотя мама начинала добавлять в голос хрипотцы и постоянно облизывать губы, только рядом оказывался Джон, я обрадовалась шести неделям с ней и поездке в Лондон, Манчестер, Брайтон и Ньюкасл.

Однако быстро выяснилось, что Джон (известный профессор-филолог) не считал важными наши девчоночьи планы на поездку, он настоял на том, чтобы мы не отступали от него ни на шаг: носили документы, наливали воду и подавали карандаши — ими он подписывал свои книги. В конце путешествия, после сорок второй остановки в сорок второй старомодной аудитории где-то между Сурреем и Суссексом, я уже была готова умереть на месте от скуки, если бы еще раз пришлось выслушать этот четырехчасовой доклад о писательницах девятнадцатого века. Вместо каникул! Я решила, что, несмотря ни на что, поездка положительно повлияла на меня, сделала закаленной. Конечно, мне не «докучал» ни милый чистильщик бассейнов, ни потенциальный на-

следник корнуэльских земельных владений. Зато мои каникулы прошли наполненными скукой такого рода, что их можно назвать... *медитативными*. Да, вот подходящее слово. Кто-то, чтобы прийти ко внутреннему просветлению, по семь недель сидит на досках с гвоздями в каком-нибудь горном монастыре в Тибете, я же достигла его (не менее аскетично), посетив сорок две аудитории в Англии.

Собственно, именно там, слушая высокопарные речи Джона и беззвучное хихиканье матери над каждой его неуклюжей шуткой, я наконец-то поняла, что делать. Мне ведь уже стукнуло шестнадцать, и, думаю, пришло время взяться за кое-какие дела. Срок которых, возможно, давно истек. Оспорить наконец у принцессы Штайн ее титул старосты школы, например. Очистить библиотеку от всякого хлама. Главное, прямо сейчас начать становиться умнее, элегантнее и независимее. Ах да, еще есть Фредерик...

После ухода Хелены я еще немного раздумывала, не продолжить ли танцы под дождем. Но побоялась, что в любой момент может вернуться шофер или приехать новый ученик, и, уже начав замерзать, решила отказаться от этой идеи.

Я отогнала прочь грустные мысли, запрокинула голову и сделала еще один глубокий вдох. Чистый, холодный от дождя воздух Штольценбурга. Правда, как же хорошо быть здесь, вернуться в Германию и в замок. Садовник даже засадил несколько баков у ворот розовыми фуксиями, которые я так люблю. Я улыбнулась самой себе.

Новый школьный год начнется в понедельник, и я, Эмма Магдалена Моргенрот, верю, что никогда прежде не была так готова к нему. Готова к десятому классу. Го-

това взростеть. Я затащила чемодан по наружной лестнице, выпрямила плечи и вошла в величественный холл интерната.

В тот же день я нашла книгу.

Позднее я не раз спрашивала себя, что бы произошло, не попадись она мне. Если бы мы не направились первым делом в библиотеку? Или если бы я нашла эту книгу, но отложила в сторону? Или засунула на какую-нибудь полку? Что бы случилось тогда?

Западная библиотека располагалась, как можно догадаться по названию, в западном флигеле замка, причем в той части каменной громады, которая не использовалась для школьных нужд. В северной стороне располагались учебные классы, в восточной — спальни и жилые комнаты некоторых учеников интерната, а большая часть западного флигеля пустовала уже лет восемьдесят, со времени последней перестройки замка.

Кто-то из прежних директоров решил размещать учителей не в самом замке, а отдельно, в прилегающих хозяйственных постройках. Западный флигель, старейшая часть замка, кстати, — главным образом использовался как склад для пришедшей в негодность мебели, истрепавшихся карт и ящиков, забитых старыми, пожелтевшими тетрадями. Стены метровой толщины и каменные лестничные клетки отапливались с трудом, и зимой здесь часто замерзал водопровод. Только бальный зал на втором этаже использовался регулярно. Этажи над ним большую часть времени напоминали Спящую красавицу.

Я уже долгое время считала это порядочным расточительством, ведь, если задуматься, западная библиотека была очень красивой. И давно решила, что это поме-

щение может идеально подойти для моей задумки. Теперь же, увидев все своими глазами, я пришла в восторг: стены от пола до отделанного благородным деревом потолка закрывали шкафы с книгами. Даже вокруг окон были приделаны деревянные полки, все до одной наполненные старыми, драгоценными переплетенными книгами (они, конечно, были на порядок ценнее книг, доступных любому ученику в нашем медиацентре по локальной сети).

Еще в библиотеке располагались открытый камин и гигантский дубовый письменный стол, несколько кресел и диванов с точеными ножками, столик, украшенный мозаикой, и огромная люстра, должно быть созданная в самом начале эры электричества. Только кое-какая сломанная мебель и ящики со старыми атласами, приправленные тоннами грязи и паутины, немного мешали. Но это поправимо. Я высоко закатала рукава свитера.

— Красота, — сказала Шарлотта, пока я снимала на телефон окружающую рухлядь, чтобы потом выложить фото в сеть. — А ты уверена, что твой отец не против?

Шарлотта — англичанка, она пониже и поизящнее меня, походит на фарфоровую куколку с медовыми локонами. Любит футболки с узорами в виде котов (сегодняшний вариант — две черные кошечки, хвосты которых соединяются в форме сердца). А еще она — моя лучшая подруга. Уже четыре года, с первого дня, как я пришла в Штольценбург, мы на каждом уроке сидим рядом и делимся друг с другом всеми секретами.

— Да брось, — отмахнулась я. — Комната и так не используется.

Во время своих самых скучных каникул я продумала каждую мелочь. Мы сделаем эту библиотеку нашим лич-